

К Р О К О Д И Л

№ 2 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

За ним повсюду Всадник Медвы:
С тяжёлым топотом скакал.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. Агентство Трагосоцеан опубликовало давно ожидаемое сообщение о том, что на русском фронте «на основных участках боёв создано положение, серьёзность которого не скрывается в германских кругах». Это сообщение несколько запоздало. Немецкие солдаты, находящиеся в русских кругах и окружениях, давно уже осознали серьёзность своего положения.

ЖЕНЕВА. Здесь стало известно, что сейчас в канцелярии Гитлера нет ни волокиты, ни бюрократизма. Нет и самой канцелярии. Нет и квартала, где была канцелярия. Нет и улицы, где был квартал, где была канцелярия. Нет и района, где была улица, где был квартал, где была канцелярия.

БЕРЛИН. Вашему корреспонденту по секрету сообщили, что секретное оружие, о котором сейчас пишут немецкие газеты, настолько засекречено, что оно является секретом даже для самого изобретателя. Однако известно, что автор секретного оружия д-р Геббельс получил за своё изобретение 10 тысяч марок, из расчёта 20 марок за печатную строчку.

СТАМБУЛ. Антонеску в одной из своих последних речей заявил: «Мы пойдём до конца». По этому поводу румыны говорят: «Ходить осталось недалёко».

АФИНЫ. Вчера с развалин Парфенона снят водружённый там немецкий флаг со свастикой. Вместе с флагом снят немецкий патруль. Греческие партизаны оправили письмо гаулейтеру Афин: «Оставьте в покое наши развалины, у вас теперь и своих много».

М. Е. Салтыков-Щедрин о Берлине

БЕРЛИН, столица гитлеровского «райха», центр немецко-фашистского разбойничьего гнезда, систематически разрушается воздушными налётами. Берлин должен быть разрушен!

Геббельс утешает немцев заверениями, что Берлин будет восстановлен. Однако зачем восстанавливать Берлин? Кому он нужен? Зачем он нужен?

Этот вопрос был поставлен ещё шестьдесят с лишком лет назад великим русским сатириком Салтыковым-Щедриным. В очерках «За рубежом» он писал о Берлине:

«Трудно представить себе что-нибудь более унылое, нежели улицы Берлина. Недостатка в движении, конечно, нет... Но это какое-то озабоченное, почти вымученное движение, как будто всем этим двигающимся назад и вперёд людям до смерти хочется куда-то убежать».

«Уже подъезжая к Берлину, иностранец чувствует, что на него подул скукой, офицерским самодовольством и коллекцией неопытных подолоз из Орфеума».

«Застенчивость сменялась самонадеянностью, политическая уклончивость — ничем не оправданной претензией на вселенское господство, скромность — неудачным стремлением подкупить иностранцев мещанской роскошью новых кварталов и каким-то второразрядным развратом...»

Рис. Л. Бродаты

Портрет немецкого генерала Манштейна. Пусть читатель не смущается тем, что генерал показан со спины. Хотя художнику и не удалось увидеть генерала ан фас, но помещаемое изображение и есть истинное лицо доблестного вояки.

ПАРТИЗАНСКАЯ СНОРОВКА

Рано утром, спозаранку,
Вышел немец на полянку —
Видит, девушка идёт.
Черноброва, смуглолица.
Загорелось сердце фрица:
— Ох, красавица! Майн готт!

Приосанил немец плечи,
Стал воинственной вдвойне.
Непредвиденные встречи
Неизбежны на войне.

К ней он козырем подходит,
Речь немецкую заводит,
Просит ласково обнять.
Кинулась к нему девица —
И... не стало больше фрица,
Никогда ему не встать.

И пошла своей дорогой,
Не ломала в горе рук.
На войне бывает много
Преднамеренных разлук.

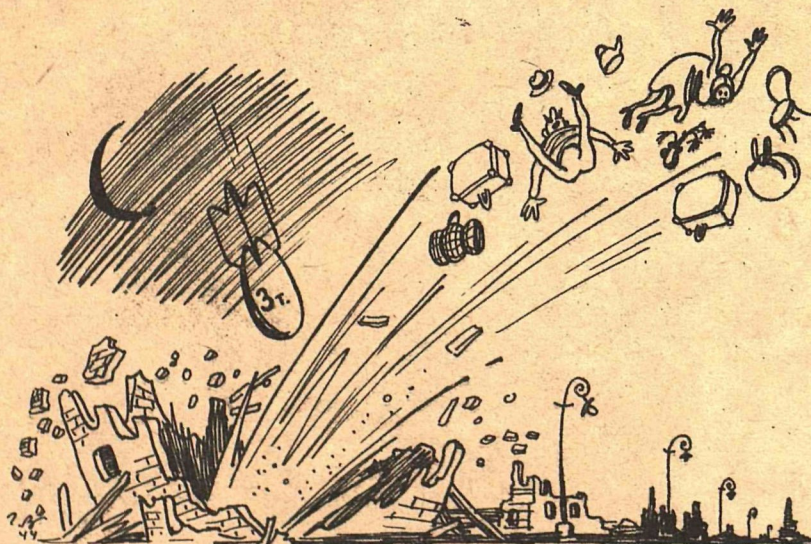
Узнавала, примечала.
Командиру рассказала
Всё потом без лишних слов.
Оказал он ей вниманье:
— Сто второе расставанье!
Молодчина, Иванов.

Неплохая маскировка:
То мблodka, то карма...
Партизанская сноровка
Помогает бить врага.

В. АКШИНСКИЙ

БЕРЛИНСКАЯ ХРОНИКА

Рис. Г. Валька

Герр Биттербутер с супругой выбыл из города на трёхтонке.

ДНЕПРОВСКАЯ БЫЛЬ

Третьи сутки конопатый
Фриц орудует лопатой.

Яму роет и гордится,
Хвалит свой немецкий труд:
Ямка, дескать, пригодится —
Танки русских не пройдут.

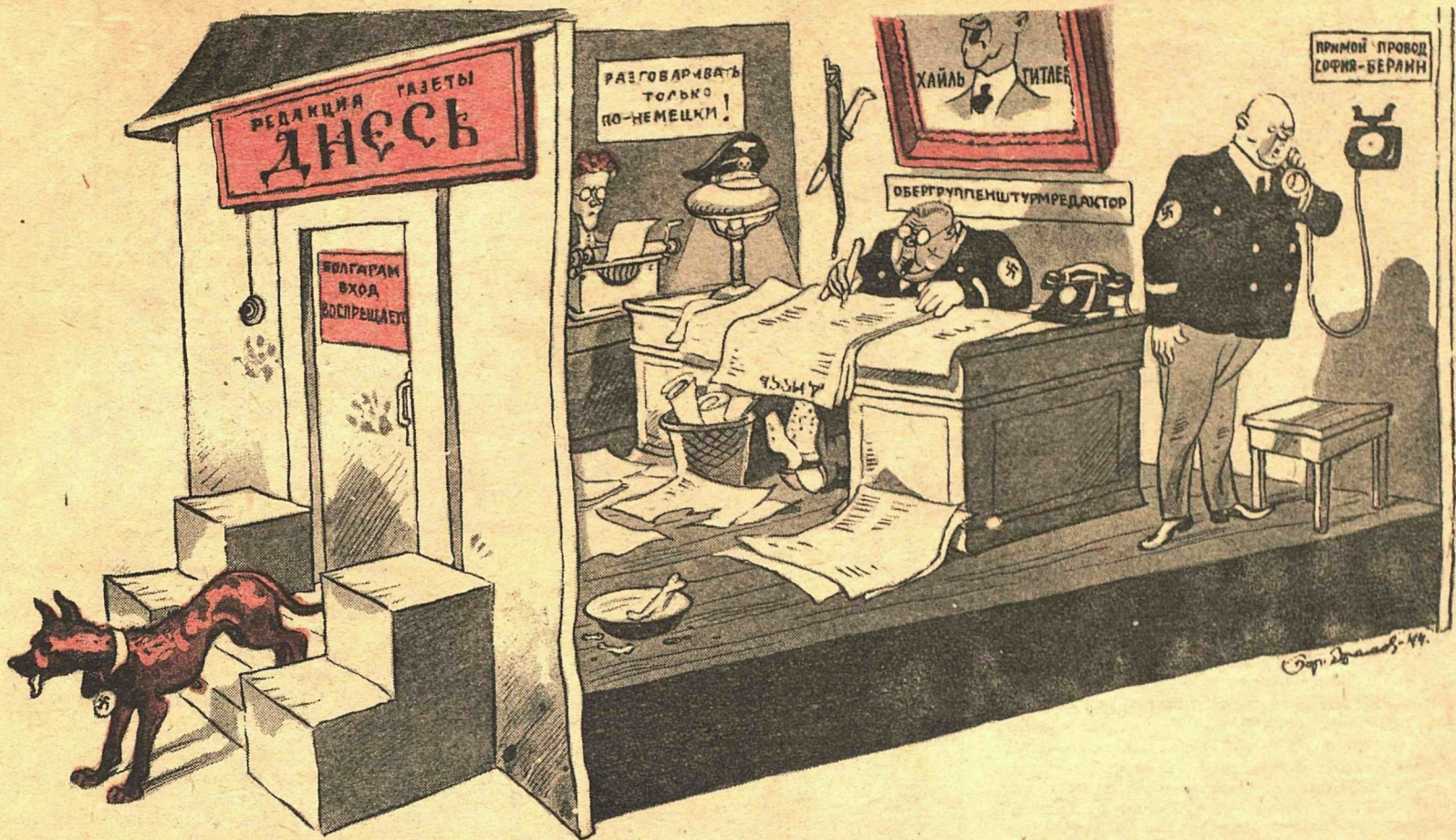
Третьи сутки немец роет,
Спину мокрую согнул...
Вдруг он слышит под горою
У Днепра моторов гул.

— Неужели танки русских?! —
Фриц дрожит, как трясогузка.

Он хотел покинуть яму.
В это время немцу прямо
Попадает пуля в лоб...
Немец охает — и в яму
Немец падает, как снап!

...В яме немец конопатый —
Не пропал полезный труд.
Рядом с ним лежит лопата,
Мимо — русские идут.

Иосиф УТКИН

Редакция истинно болгарской газеты.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Болгарской является одна лишь собака, да и та сильно смахивает на немецкую овчарку.

✓ Вольдемар Гут из Бремена

ПОДСЧИТАВ пленных, наши бойцы построили их в колонну и тронулись к своей части. В это время они услышали в лесу истошный крик:

— О, ла-ла! О, ла-ла! Их бин хир! Эйн момент! Их бин хир!

Крик всё приближался. И вот люди увидели немецкого офицера, который бежал по лесу дикими прыжками, завязая в глубоком снегу. Выбегав на дорогу, офицер стряхнул с себя снег, франтовато одёрнул китель, поднял вверх обе руки и с восторженной улыбкой на холёной морде подошёл к нашим бойцам.

Через час этого офицера уже допрашивали в штабе дивизии. Его звали Вольдемар Гут. Прежде всего он сообщил, что на русском фронте он всего две недели и что до этого он работал в городе Бремене начальником мобилизационного пункта.

— Вы не можете себе представить, — рассказывал он, — как я испугался перспективы одному остаться в лесу — замёрзнуть или быть съеденным волками. На что, на что, а на это я никак не рассчитывал...

— На что же вы рассчитывали? — не в силах скрыть улыбки, спросил пленного допрашивавший его подполковник.

— О! — воскликнул Вольдемар Гут. — Это очень длинная история, и я охотно могу вам её рассказать...

Я до последнего времени работал начальником мобилизационного пункта в Бремене. На этом высоком посту я открыл небольшую розничную торговлю жизнью. Не хочешь ехать

в Россию? Хочешь жить? Должен понимать, что бесплатно этого не получишь! Ход ясный и простой.

Но я не рассчитал своих сил. Приходит ко мне один папаша. Нацист. Но я знал, что у него в кармане не так уж много радости, и принял его довольно сухо и наговорил ему много глупостей насчёт святого долга солдата. Он лениво выслушал меня и спокойно говорит: «Ни одной марки я не заплачу, а мой сын Оскар должен получить то, что надо...» Вы сами понимаете, как я возмутился. Я кричал на него, как только мог, и он ушёл. Но не просто ушёл, а хлопнул при этом дверью. И тут я вспомнил! Боже, что я наделал! Я забыл, что у этого типа дочка пугается с одним хорьком из ведомства Гимmlера. Как можно такое забыть!

Вскоре меня вызвал к себе главный нацист Бремена и сказал, что мне пора поехать на фронт и личным примером подтвердить то, что я говорил всем мобилизованным. Он поздравил меня и сказал, что через три дня я получу назначение.

Сами понимаете, что эти три дня я не сидел без дела. Я рассказывал по карманам разных влиятельных лиц половину моего состояния и уже добился того, чтобы остаться в Бремене, хоть и не на роскошной должности. Но тут случилось такое, после чего я сам начал рваться на фронт, только бы не оставаться в Бремене.

Дело в том, что англичане так навалились на Бремен, что стало невозможно дышать. Налёт за налётом. Как-то утром узнаю, что тот папаша, из-за которого я вылетел с удобного

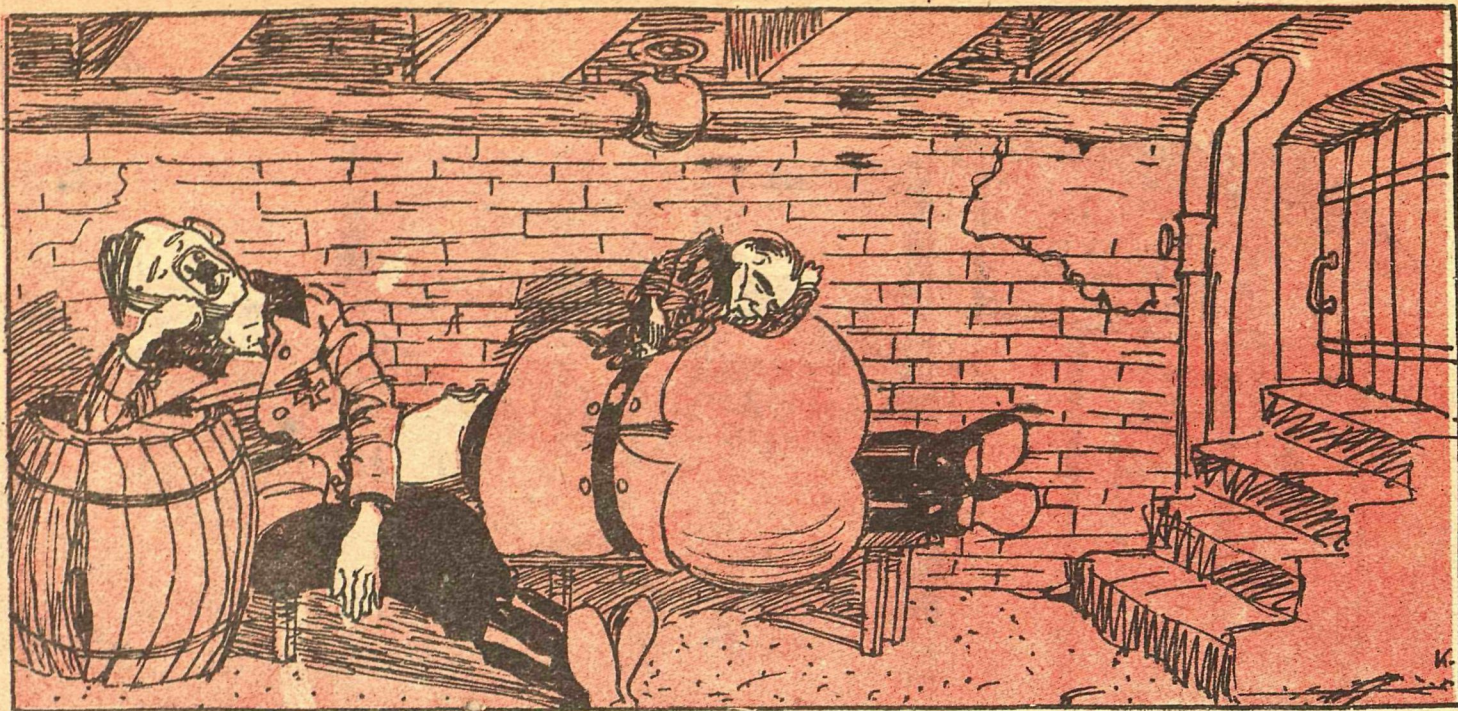
седла, вместе с его трижды проклятым Оскаром изволили отбыть на тот свет, не выходя из собственной квартиры. Я это известие принял как предостережение судьбы. Я понял, что прежде всего надо убираться подальше от Бремена и вообще подальше от наших больших городов, а потом уж видно будет. Но куда ехать? В Россию? Ещё чего не хватало!..

Я тряхнул оставшуюся половину своего состояния и быстро добился того, что меня назначили в дивизию, стоящую в Париже. Всё было чудесно, и я выглядел как храбрый патриот. «Смотрите, — говорили про меня соседи, — Гут в такое трудное время становится солдатом!..» Дураков в любое время хватает, и я не возражал, чтобы они так говорили!..

Но дальше произошло чорт знает что... Я приехал в Париж. Явился в штаб дивизии. Получил назначение. А через три дня чудесная новость, от которой все господа офицеры, в буквальном смысле этого слова, позеленели... Дивизия отправляется в Россию!

Я же прекрасно понимаю, что умереть здесь у вас, в России, так же легко, как сходить до ветра. Но вот, видимо, бог меня бережёт, и, видите, как всё прекрасно сложилось... Только бы поскорей конец войне! Я уже так устал и так мечтаю вернуться к мирной коммерческой деятельности. Как вы думаете, когда я вернусь из плена, я буду иметь право на мой магазин в Бремене? Хотя бы только на это?

Вас. АРДАМАТСКИЙ

«Сон в лётную ночь».

На рассвете

ПОСМОТРИТЕ, пожалуйста, на карту. Вот она, родная моя Ровенская область. А вот и станция Сарны. Возьмите чуточку левее, ещё левее, ещё... Хватит. И представьте себе, пожалуйста, что на этом самом месте, где ваш ноготь на карте, стоит Гарпина Сердюк, гражданка средних лет, и кричит не своим голосом: «Ура!» И дело это происходит рано утром, на заре, когда поют первые петухи, чтоб их чорт побрал! С той поры спокойно о них вспомнить не могу, об этих проклятых горлопанах.

Дело было так. Пошли мы в разведку впятером. Бродили мы по немецким тылам дней десять. Зашли далеко за линию фронта, вёрст за сорок. Выполнив серьёзное боевое задание, возвращаемся назад.

По дороге узнаём, что за берёзовой рощей, недалеко от большака, в совхозной усадьбе, ныне существует какой-то рыжий фон, немецкий помещик.

Решили мы завернуть в усадьбу и между прочим захватить с собой рыжего фона в качестве трофея.

Такие операции, сами понимаете, надо производить без шума и без гама. То есть, как справедливо выразилась одна заслуженная артистка, выступавшая с пением в нашей части: «Ни слова, о, друг мой, ни вдоха, мы будем с тобой молчаливы». А немецкого помещика интересно брать живьём.

Пошли мы на охоту зарёю, когда в небе ещё не все звёзды погасли. А звёзды, между прочим, в нашей Ровенской области одна в одну — большие, светлые украинские звёзды, первой категории.

Вышли мы из рощи и видим на бугорке — шагов триста от нас — белый акуратненский домик. Забор, калиточка, скамеечка. Ташина, спокойствие, ставни закрыты — крепко спит рыжий фон и видит свои немецкие сны.

Но всё же для осторожности мы залегли, прислушиваемся, — всё в порядке. «...Ни слова, о, друг мой, ни вдоха...»

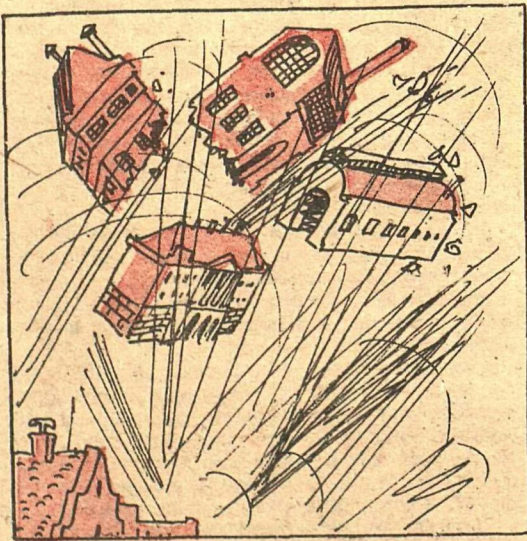
Мы поползли тихо, не спеша и, как пишут корреспонденты, цепляясь за каждую складку местности.

Проползли шагов пятьдесят, а может, и все шестьдесят, как вдруг два петуха вскакивают на забор и давай на полный голос приветствовать нас. Обрадовались, курицыны дети!

А нам от этого приветствия тошно стало. Чортовы петухи, ещё чего доброго, разбудят помещика и его охрану. От этого может возникнуть большой шум. Мы в ту минуту дюже беспокоились за жизнь рыжего фона: как бы в суматохе не пришлось его отправить на тот свет. И тут я вспомнил, как та самая заслу-

«Весёлая вдова».

«4 дома 4».
(Воздушный акт.)

жённая артистка выразилась на бис: «Не уходи, побудь со мной...»

Мы прилипли к земле, лежим, не дышим и в душе проклинаем все будильники на свете, в том числе и петухов. А петухи, мерзавцы, вошли в роль и, закрыв глаза, чешут наизусть свои романсы.

Концерт продолжался минут пятнадцать, а то и больше. Потом певцы замолкли и не спеша удалились.

Опять тишь и благодать. Ползём дальше. Вот мы у забора. Всканиваем. И вдруг слышим с правого фланга женский голос: «Ура! Ура!»

Смотрим, из-за кустов вылезает тётка, стала, руки распротёрла и заливается на чём свет стоит: «Ура!»

Мы ей машем, делаем знаки, чтоб замолчала. Но куда там! Она ещё пуще прежнего: «Ура! Хай живе наша родная Червона Армия!»

Чувствуем, срывается наша операция. Не будет у нас живого трофея. Тут боец Копылов забегает к тётке с тылу, деликатно закрывает ей ладонью рот. Тётка начинает отбиваться: здоровая попалась. Копылов ласково сжимает её руки.

И вот мы стремительным броском врваемся в усадьбу, держа наготове автоматы... Короче говоря, нашли мы там пустое место. Ни одной живой души, кроме уже знакомых нам двух петухов, дьявол их дери.

Спешим к тётке. Ну, скажу я вам, тут уж мы получили на орехи. Особенно досталось Копылову. Обругав нас на все корки, тётка отвела душу, а затем кинулась нас обнимать. Мы, конечно, извиняемся, объясняем ей, в чём дело, а потом спрашиваем:

— Куда девался помещик?

— Нема его, — отвечает тётка.

— Сбежал?

— Не, — отвечает тётка.

— Где же он?

— Его вчера с вечера партизаны увели.

Тут тётка рассказала нам, что её зовут Гарпина Сердюк. Что она из деревушки, которая тут же, за рощей. И шла она за хворостом. Увидала бойцов Красной Армии, то есть нас...

— И до того я обрадовалась, а вы окаяннели!

Смеётся, и мы смеемся. Попрошались мы с тёткой весьма задушевно и просим передать, что в скором времени вернёмся и что весь их край, как и вся Украина, очистится от немецкой погани.

Отошли мы шагов сто, повернулись назад, смотрим: тётка стоит на одном месте и машет нам рукой. Больше всего это, видимо, относилось к Копылову. И на лице её были написаны те чувства, о которых в заключение своего концерта метко выразилась та самая заслуженная артистка: «Вернись, я всё прошу...»

Г. РЫКЛИН

НЕМЕЦКИЕ газеты жалуются: письма из дома, получаемые солдатами германской армии, недостаточно бодры и веселы. Это, дескать, ухудшает настроение немецких солдат.

Мы решили в этом случае прийти немцам на помощь и даём здесь несколько образцов писем на старых немецких открытках. Письма в бодром и весёлом тоне сообщают о том, что делается сейчас в немецком тылу. Мы будем рады, если немцы и немки в фатерланде воспользуются для своих писем нашими образцами.

Рис. К. Елисеева

Толст. В. Ардова

Роберт, родной мой! Помнишь в предыдущих письмах мы жаловались на тесноту? Теперь этого нет, так как английская бомба убила Иоганна, Марту, Эриха, Вольфганга и ранила Шарлотту (Шарлотта тоже скоро умрёт). Теперь нам очень просторно. А так как бомба разрушила и крышу, то кубатура нашей квартиры намного увеличилась. Вокруг спокойно, мой дорогой, нам здесь очень хорошо.

Любящая тебя Лизхен.

Мой славный Вилли! Как мне приятно сообщить тебе, что твоя жёнушка Рената теперь имеет бесплатное питание и бесплатную квартиру. Когда разбомбили наш дом, она так громко благодарила фюрера, что её посадили в концлагерь. Там её кормят похлёбкой (бесплатно), дают ей солому для спанья (бесплатно) и секут розгами (тоже бесплатно).

Целую тебя, Мама.

Дорогой Ганс! Мы живём очень хорошо.. На той неделе даже выдали по 5 граммов эрзацмаргарина. Это очень вкусный жир — мы его съели сразу.

Желудки у всех уже поправились. Говорят, скоро ещё выдадут, так что Грета второй день стоит в очереди у аптеки. Если сразу после этого эрзацмаргарина принять слабительное, тогда, говорят, ничего.

Желаем и тебе счастья.
Твоя Берта.

Привет, дорогой Якоб! Ты знаешь, кто вернулся с фронта? Твой старый друг Бернгард. И представь, у него уцелели левая рука и полноги. Он охотно рассказывает о том как вы побеждаете русских в эластичной обороне. Особенно интересно он рассказывает про последнюю эластичную победу, которая началась под Орлом, а сейчас продолжается за Житомиром.

Твоя жена Анна-Дивелотта.

Любезный Людвиг! Все тебе шлюет привет. Всё у нас благополучно, даже дядя Альбрехт успел скончаться, чем очень облегчил нашу жизнь. Твоя жена Эльза успешно изучает французский язык, так как она много бывает с одним французом, работающим на соседней фабрике. В общем — всё благополучно, чего и тебе желаю.

Тётя Августа.

ЖЕЛЕЗНАЯ ХВАТКА

Представьте себе такую картину. Приходите вы в ресторан и просите официанта подать котлету с горошком.

— Покалуйста,— говорит официант,— можно. Мы вам котлету подадим, а вы нам подайте три тонны мяса, двести килограммов масла, шесть мешков луку, полтонны гороху — и всё будет в порядке.

Тут вы начинаете улыбаться и говорите официанту:

— Это что же—все эти продукты на одну котлету пойдут?

— Безусловно,— говорит официант.

Тогда вы начинаете понимать, что официант—просто большой чудак, но всё же не самый большой, поскольку имеются чудачки и побольше.

Работники московского завода, где начальником производства товарищ Блинов, подали в контору «Автомобилострой» заявку на 59 тонн металла разных сортов, необходимого для изготовления 60 тысяч поршневых колец общим весом в 4,2 тонны.

А вы говорите, официант — чудак! Официант — просто скромный малый.

Приятного аппетита, товарищ Блинов!

НИ ТЕПЛО, НИ ХОЛОДНО

На кого намекали наши предки, обмолвившись этой поговоркой, сейчас, пожалуй, даже трудно сказать. Было это давным-давно, в седую старину. Однако надо отдать справедливость предкам: скройли они поговорку на рост и шили крепко. Она до сих пор не износилась и, больше того, пришлась как раз впору Борису Леонидовичу Бассу—председателю горсовета Сухого Лога, Свердловской области, и подошла как по мерке предрайсовета Добринского района, Воронежской области, тов. Зборовскому.

Прикинув поговорку на себя, и Зборовский и Басс обрадовались:

— Правильно! Именно «ни тепло, ни холодно». Помилуйте, отчего нам, например, может быть холодно, если ребята Добринского района и города Сухого Лога сидят в школах, не снимая варежек и шапок-ушанок? Мы же из детского возраста вышли! Мы же в школу не ходим! И если в школе один градус мороза, нам от этого не холодно!

Те же самые возрастные соображения подсказывают и другую бойкую мысль:

— Если завезти в школы топливо и начать их отапливать, то нам же от этого не будет тепло! Мы же из детского возраста вышли... И т. д. и т. п.

«Ни тепло, ни холодно» — это как раз та спокойная температура, в которой приятно расти и швести тг. Зборовскому и Бассу.

А ну как, не дай бог, станет жарко? Впрочем, нет, это уже какой-то намёк, а мы же условились—без намёков.

РАСПИСАЛСЯ

Не везёт З. И. Розенфельду. Семь месяцев человек был начальником отдела снабжения Главтопа НКТП и ухитрился всё это время ровно ничего не сделать. И только уходя расписался. Под актом. При сдаче дел. Читайте:

«Составлен 11 декабря 1943 г. в том, что бывший нач. отдела снабжения Главтопа НКТП т. Розенфельд З. И. и вновь назначенный начальник отдела снабжения Главтопа НКТП т. Никифоров И. произвели настоящим актом передачу дел, которые характеризуются тем, что отдел снабжения до настоящего времени вопросами обеспечения предприятий спец-одеждой, инструментами, оборудованием, фондами на прод- и промтовары и промфураж для лесоторфопредприятий не занимался и таковых не имел. Специальных папок с делами отдел снабжения не имел... Материальных ценностей и документов из фонды отдел снабжения не имел. Сдал Розенфельд. Принял Никифоров».

Можно, конечно, расписаться в своём бессилии, в своей беспомощности, в своей безграмотности и т. д. Но расписаться в том, что я, мол, действительно бездельник,— этот рекорд поставил З. И. Розенфельд. Как же это вы так неосторожно расписываетесь, уважаемый З. И.?

Граждане, пожалейте человека!

Тоже не каждый возьмёт на себя такую муку, да ещё добровольно! А вот Чумиков Яков Кириллович, комендант городка в посёлке «Текстильщики» Мосстройпути,— он взял. Представляется это нам следующим образом:

Утро. В квартиру Чумикова входит девочка и говорит:

— Дядя Чумиков, который час?

— Восемь. А чего: у вас своих часов нет?

— Как же, были хорошие стенные часики. А мы с мамой, когда эвакуировались, часики оставили. А вы, дядечка, их по своему усмотрению использовали. У кого ж теперь про время спрашивать, как не у вас!

Не успел Чумиков спровадить девочку, как в дверь суется старушонка. Кивает, улыбается. А кому? Представьте себе, дивану!

— Спятила? — спрашивает Чумиков.

— Нет, как можно! Просто свой диванчик пришла проведать. Как он у вас живёт, как себя ведёт, не мешает ли? Я ведь из эвакуации...

Выдворил Чумиков и старушонку. А под окном ещё посетитель.

— Я,— говорит,— товарищ Чумиков, хотел вам сказать про кровать. Вы на правую сторону особо не налегайте. Там пружины слабые. Не ровён час, провалитесь. А то вернули бы, кроватку-то. С этой эвакуа...

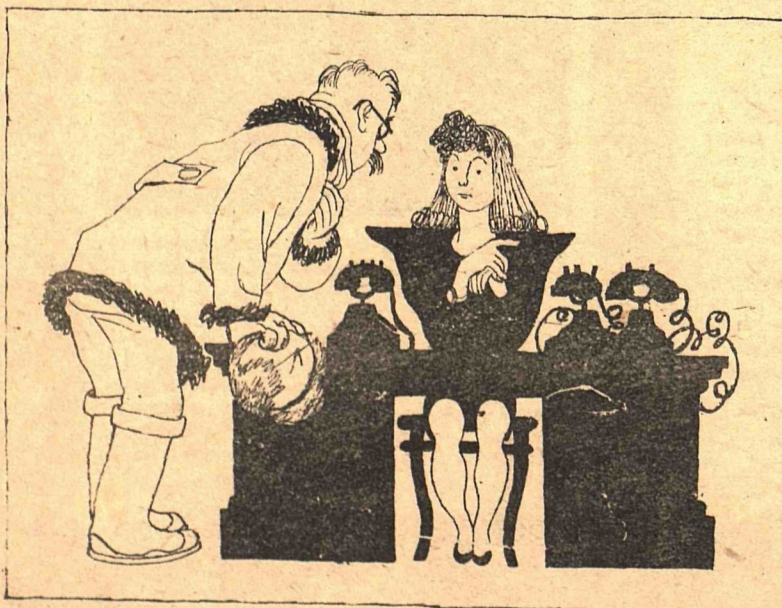
Всё понятно. И Чумикову про такое слушать — просто уши вянут. А тут ещё идут и ещё... Одни про свои вещи разговор заводят, дескать, куда это вы их дели, всё-таки они, мол, как никак, наши. Это, мол, вам даже и в суде очень просто докажут. Другие про комнату толкуют. Дескать, не надоело ли вам в чужих комнатах? Если надоело, то, будьте любезны, возвратите их прежним хозяевам...

Но Чумикову как раз посетители надоели. И он прямо говорит, что из чужих комнат его выдворить нелегко и вещи, принадлежащие жильцам домов № 15 и 16, вернувшимся из эвакуации, возвратит тоже не просто. У него, мол, веде «рука»! Рука? Ну, что ж, вот и Крокодил решил протянуть к нему свою лапу. Ибо нестерпимо жалко Чумикова за такие его страдания.

В. КАРБОВСКАЯ

В НЕКОЕМ СЕЛЬХОЗСНАБЕ

Рис. М. Черемных

— Как же пахать?.. Я ж без колёс!..

— Подумаешь! Наш директор без головы, а возглавляет же.

СОН В РУКУ

«Тотальному» фрицу

Невесело спится

И снится, едва он вздремнёт:

Ночная столица,

И снова кружится

Английский над ней самолёт.

Развалины улиц, весь город в огне..

А бомбы режут и режут...

Но самое страшное в этом сне,

Что всё это есть наяву.

За Невелем фрицу

Невесело спится

И снится, едва он вздремнёт:

От русских он мчится

И хочет укрыться,

Но слышится пули полёт...

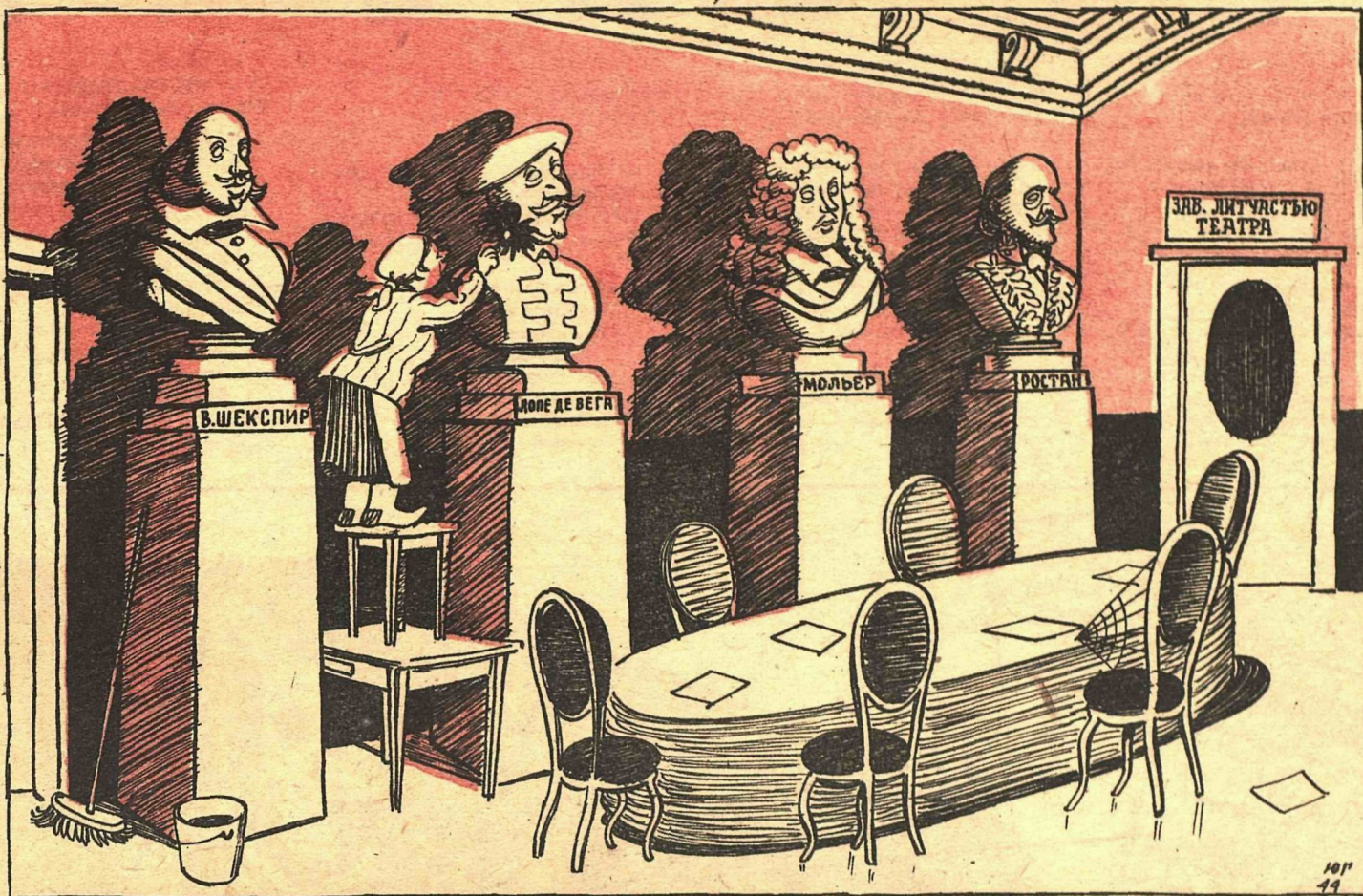
Он падает мёртвым в дыму и огне,

И трупов вокруг не счесть...

Но самое страшное в этом сне,

Что всё это так и есть.

Илья ТУРИЧИН

«Работа с авторским активом идёт у нас полным ходом.»

О ЯЗЫКЕ

ТРУДНАЯ вещь — язык. Не говорю уже об иностранных языках — каких-нибудь санскритских, арабских, китайских, — а вот даже свой родной, русский язык и то по-настоящему не знаешь.

Решил я заняться гимнастикой. Достал самоучитель Читаю. И представьте себе, буквы русские и слова вроде русские, а понять ничего не могу. Несколько раз прочёл, даже наизусть выучил, а всё-таки понять не могу. Например:

«Упражнение первое. Из седа правым бедром выне брусьев с дохватом левой руки обратным хватом впереди правого колена»;

«На махе назад перемах левой ногой через левую жердь»;

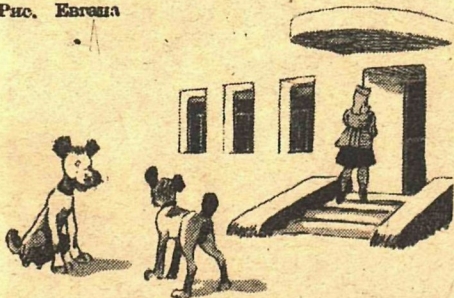
«Рондат, переворот назад, прогнувшись с опорой на руки («флик-фляк»), два раза, заднее сальто в группировке».

Испугался я и не стал заниматься гимнастикой.

БРИКАР

ЕЩЕ ОБ УМЕ СОБАК

Рис. Евгения

— Чего ты не лаешь? Это же чужая!..

— Какая там чужая! Вчера мой хозяин со своей базы ей дюжину чулок подарил.

Дорогой Крокодил

(ШИОМА ЧИТАТЕЛЕВ)

Дорогой Крокодил!

У нас на заводе «Серп и молот», в прокатном цехе, большинство рабочих — невероятные здоровяки. Один в один. Никогда не хворают, не простуживаются. А всё потому, что начальник прокатного цеха Белозёров, архитектор завода Сержантов и начальник ремонтно-строительного цеха Горюнов ничего не делают, чтобы переоборудовать душевую, и рабочие имеют возможность закалять себя, пробежать в натуральном виде из душевой в раздевалку. Помощь этак в душе, попариться в свое удовольствие и летишь стрелой, придерживая трусики, через весь двор в раздевалку по свежему морозцу.

До того приятно, что становится просто обидно за Белозёрова, Сержантова и Горюнова, которые лишены такого удовольствия.

Москва.

И. ПАПКОВ

Дорогой Крокодил!

Помнишь страшный сон городничего из «Ревизора» про двух крыс, которые пришли, понюхали и ушли? Как ты думаешь, куда они ушли? Мне кажется, что в город Вологду, в гостиницу «Северная», где и живут по сей день, плодясь и размножаясь.

Достаточно взглянуть на мои сапоги, чтобы убедиться в правильности моих догадок. На сапогах восемнадцать дыр, прогрызенных гостиничными крысами.

— Ох, уж эти шалунишки, — разводит руками директор гостиницы Зиборова, — чего только не придумают! Представьте, наднях они съели портфель одного постояльца. Приходит он к себе в номер, хочет достать из портфеля хлеб, а на стене вместо портфеля один замок висит. А полотенца до чего обожают! Изгрызают прямо до дыр. Вот тоже к карманам брюк и пиджаков неравнодушны. Редко, кто из живущих уедет с целыми карманами. И до чего умные! У меня или у кого из сотрудников ни-ни, боже упаси чего-нибудь тронуть. Всё норовят только у приезжих оттяпать. Прямо хоть в цирке показывай!.

А почему бы в самом деле тов. Зиборовой не переквалифицироваться на дрессировщика крыс? Может быть, на этом поприще она будет более удачно выступать, нежели на посту директора гостиницы?

Ф. ГОРБУНОВ

Посёлок Вожега, Вологодской области.

Дорогой Крокодил!

Не знаю, как у вас в Москве, но у нас в Ташкенте вот-вот прекратятся, мягко выражаясь, неполадки с трамваем. Не будет больше бесконечных ожиданий на остановках, не будет давки, не будет висунов. Позабылся-таки трамвайный трест!

Вдохновлённый музами, бросил он клич в виде плакатов, расклеенных в вагонах трамвая:

«Сиди внутри, а не снаружи, Него тебе же будет хуже!»

Здорово запущено! Но вот вопрос: как всё-таки попасть в трамвай, чтобы прочесть эти яркие строки?

Ох, уж эти поэты! Недаром говорят, что они люди не от мира сего.

Ташкент.

О. ДУДИНА

1
Старшина Орёл Андрей —
Украшение морей.

Служит коком на «малютке»,
Пулемётчик, торпедист,
Любит шутки, прибаутки,
Превосходный баянист.

Изумительный,
Поразительный,
Исключительный
Торпедист.
Кок старательный,
Друг внимательный,
Замечательный
Баянист!

2
Он на всех флотах бывал,
Знамерито воевал.

Был в Одессе, в Ленинграде,
Севастополь защищал.
Бил фашистов в Сталинграде—
Всюду немцев «угощал».

Изумительный,
Поразительный,
Исключительный
Торпедист.
Кок старательный,
Друг внимательный,
Замечательный
Баянист!

3
В боевой идём поход —
Веселит Андрей народ:

— Есть, браточки, два обеда—
Раскрывайте шире рот.
Намцу в борт пойдёт торпеда,
Вам в живот пирог пойдёт.

Изумительный,
Поразительный,
Исключительный
Торпедист.
Кок старательный,
Друг внимательный,
Замечательный
Баянист!

4
Если нету старшины,—
Все веселья лишены.

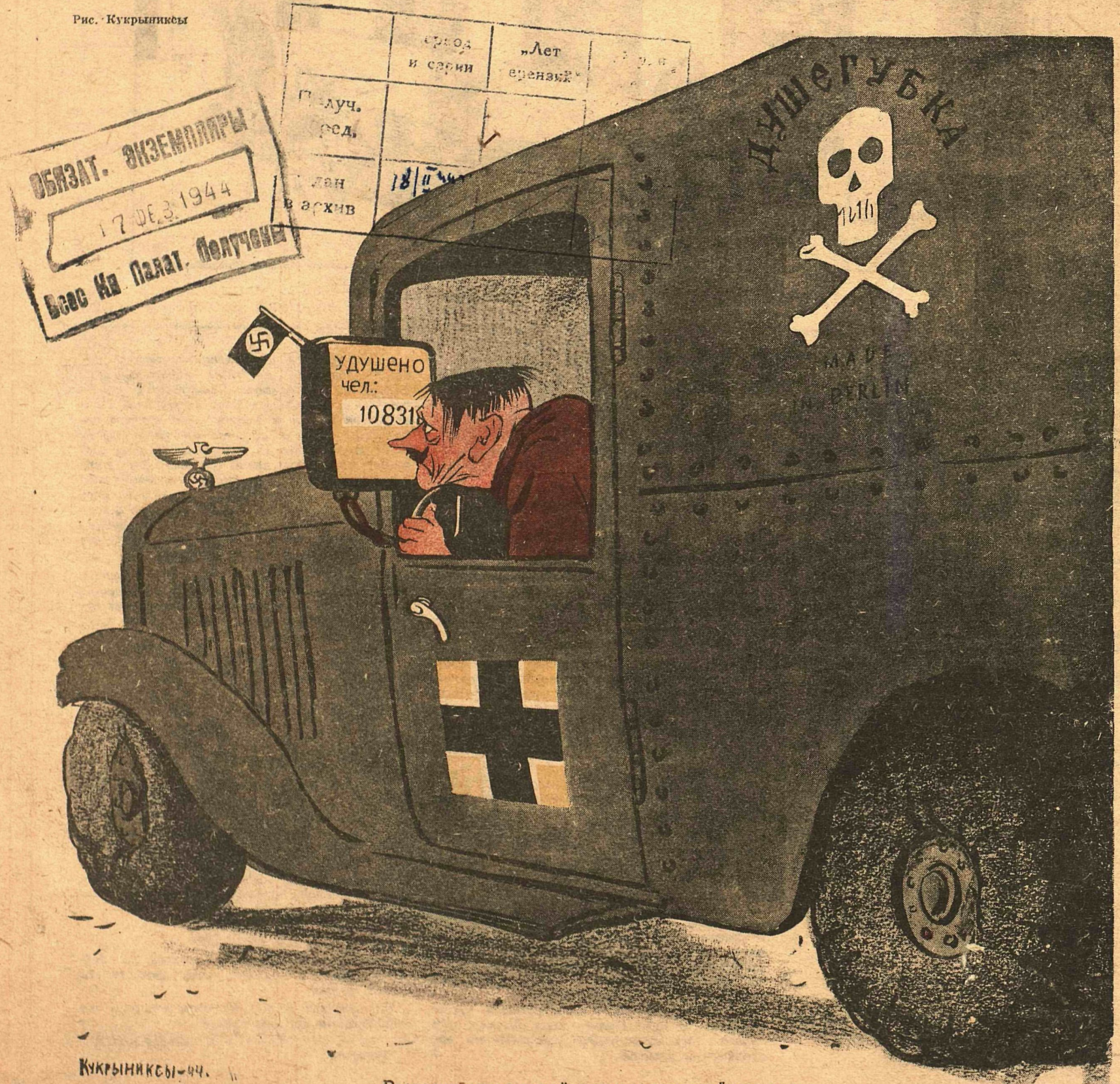
Где Андрей—матросы знают,—
Будет харч «с присыпкой» дан.
У Орла в руках играют
И торпеда и баян.

Изумительный,
Поразительный,
Исключительный
Торпедист.
Друг внимательный,
Кок старательный,
Замечательный
Баянист!

Сергей АЛЫМОВ

Северный флот.

Рис. Кукрыниксы

Расплачиваться придётся водителю этой машины.